

Ворошилова М.Б.
Екатеринбург, Россия
**СОВЕТСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ
В ДИСКУРСЕ РУССКОГО РОКА:
«ДЕТИ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ»**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Настоящая статья открывает цикл работ, посвященных проблеме советского прецедентного текста в дискурсе русского рока. В ходе исследования автор предлагает отказаться от традиционного метода анализа и опирается на разработанную им классификацию политической символики. В качестве примера такого анализа автор представляет исследование образа красной звезды в текстах русского рока.

Ключевые слова: прецедентный текст, дискурс, рок-культура, политическая символика.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, каб. 285, кафедра риторики и межкультурной коммуникации.

E-mail: shinkari@mail.ru.

Voroshilova M. B.
Ekaterinburg, Russia
**SOVIET PRECEDENT TEXT
IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN ROCK:
«CHILDREN OF THE RED STAR»**

ГЧТИ 16.21.27
Код БАН 10.02.01

Abstract. The article opens a series of works devoted to the issue of Soviet precedent texts in the discourse of Russian rock. During the analysis the author suggests abandoning the traditional method of analysis and relies on her own classification of political symbolism. As an example of such analysis the author presents a study of the image of the red star in the texts of Russian rock.

Key words: precedent text, discourse, rock culture, political symbolism.

About the author: Voroshilova Mariya Borisovna, candidate of philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Настоящая статья открывает цикл работ, посвященных проблеме советского прецедентного текста в дискурсе русского рока. Не секрет, что зачастую рок культура воспринимается как некое яркое контркультурное явление, возникшее и развившееся в России на волне протеста советскому политическому строю. Несомненно, что рок-искусство, зародившееся во второй половине XX века, в переломное время смены культурных и исторических эпох, выступило в пик, однако не только существующему общественно-политическому строю, но и культурно-ценностным основам современности. Обращение русских рок-авторов к советскому прецедентному тексту послужило скорее одним из способов постижения действительности, столь характерному искусству постмодернизма, в русле которого рок-искусство развивается [ср.: Давыдов 2001; Доманский 2000; Толоконникова 1999 и др.].

Ключевым понятием постмодернизма, его «отличительным знаком» является интертекстуальность (Ильин 1999; Кузьмина 1999; Можайко 2001 и др.) или, используя терминологию современной когнитивной лингвистики, прецедентность. Мы сознательно выбираем второй термин для нашего исследования по целому ряду причин:

– во-первых, прецедентный текст всегда ориентирован на массового читателя, что не является обязательным для интертекста, нередко требующего у реципиента наличия значительного «багажа знаний»;

– во-вторых, понятие прецедентности трактуется значительно шире интертекстуальности, так как прецедентными могут быть не только

тексты, а информация о прецедентном феномене не всегда вербально выражена;

– в-третьих, понятие прецедентности связано с выявлением национально-культурной специфики, столь актуальной для исследователей русской рок-культуры.

Традиционно в ходе анализа прецедентности ученые (Д.Б. Гудков, В.В. Красных и др.) обращаются к таким ее единицам, как прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентное имя. Мы же, опираясь на тот факт, что прецедентность нередко реализуется через обращение к связанными с ней символами, предлагаем в основу настоящего исследования положить классификацию политической символики, что позволит, по нашему мнению, в наиболее полном объеме и более структурно описать предложенное нами понятие советского прецедентного текста, функционирующего в дискурсе русского рока.

Политическая символика занимает особое место, являясь подчас основным выражением государственной и национальной идеологии и культуры того или иного общества, своего рода «олицетворением» страны. Любое сообщество с богатой историей очень дорожит своими отличительными знаками, которые, как и товарные знаки, можно назвать своеобразным политическим и экономическим капиталом всего государства, всей нации. Итак, политический символизм, как отмечают исследователи, – это неотъемлемая часть идеологии, политики и культуры общества [Мисюров <http://>]. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что политическая символика является одной из важнейших составных частей национальной культуры.

В России система государственных политических символов всегда была очень четкой и выражала официальную идеологию государства. В советское время гербы, флаги, гимны и иные политические символы не просто олицетворяли «нерушимый союз народов», союз пролетариата и крестьянства, но были символом победы над империализмом и капитализмом, олицетворением советского образа жизни, мощи социалистической державы. Советская Россия как классическая страна-«отрицание» отбрасывала вековые традиции и провозглашала построение нового общества, живущего по иным этическим, нравственным и социальным законам, что и обусловило резкую смену системы общественных ценностей, а следовательно и изменение, скорее создание новых государственных политических символов.

Политическая символика крайне разнообразна и при детальном ближайшем рассмотрении может быть представлена следующими классами, группами. В ходе настоящего исследования нами была использована классификация политических символов представленная в работах Мисюрова Д. А. [см. подр: Мисюров [http](http://)], но адаптированная к предлагаемому материалу исследования и унифицированная по названиям классов символов:

1. Государственная (или официальная) политическая символика (герб, гимн, флаг).

2. Архитектурная символика представлена архитектурными комплексами, играющими значительную роль в обществе в тот или иной исторический период или связанными с определенными историческими событиями в жизни страны (Зимний Дворец, Белый Дом, мавзолей и т.п.)

3. Мемориальная символика представлена памятниками политическим деятелям и мемориалами, посвященными историческим событиям (Памятники Ленину и Неизвестному солдату – неотъемлемая часть любого советского города.)

4. Фалеристические символы, например, знаки отличия, ордена, медали, значки и пр. (знак ГТО, октябрятская звездочка, красная звезда и т.д.)

5. Ритуально-процессуальная символика: несомненно, что любые политические мероприятия – это, как правило, некий ритуал, предусматривающий соблюдение определенных процедур, будь то собрания, заседания или проведение национального, государственного праздника и т.д.

6. Наглядно-агитационная символика включает все виды наглядной агитации, относящиеся к политической рекламе (лозунги, плакаты, флаги, портреты и т.д.)

7. Политико-музыкальная символика: в определенные моменты истории символическими могут быть народные, революционные песни, популярные мелодии, которые одобряются или напротив запрещаются государством.

8. Бытовая символика представлена предметами обихода простого советского человека

(например, хрущевка, журнал «Работница», пачка индийского чая и др.), нередко очень точно характеризующими реальные идеологические установки правительства, значительные отличающиеся от представленных в агитационных речах.

9. Идеологическая символика, как правило, сознательно созданная и нередко грубо навязанная, позволяет описать основные идеологические установки государства, в советский период – это такие яркие образы, как образ врага, который на различных этапах был представлен в лице лентяя, туеядца или же целого государства (США), особую зловещую символическую роль в советской идеологии несомненно играет ядерное оружие.

10. Персональная символика: люди как политические символы (политические лидеры – Ленин, Сталин и др.; легендарные герои – особо распространенная группа в советском сознании, это и герои войны, и герои-пионеры, и герои труда – стахановцы и др.)

11. Условно-графическая символика, включает такие геральдические знаки, как всевозможные звезды, кресты, серп и молот и т.д.

12. Языковая символика представлена специальной терминологией или особыми языковыми конструкциями, применяющимися в политической практике: товарищ, «Ура». Кроме того, в контексте, это может быть любое написанное или произнесенное, как особый символ, слово.

13. Хронотопическая символика – это символы места и времени: нередко в эту группу включают такие символы, как границы, столицы, национальные праздники (так например, в советское время самым символическим месяцем несомненно является октябрь, в определенную эпоху зарождается и такой яркий символ, как целина).

Настоящая классификация требует несомненного уточнения и наполнения, наиболее полный ее анализ мы планируем представить в завершающей статье настоящего цикла, что по нашему мнению, и послужит логическим его завершением. В данной статье представленная нами классификация политических символов носит отчасти условный характер и выполняет функцию плана, ориентира для дальнейших исследований.

В качестве примера анализа прецедентного образа, политического символа в нашей первой статье мы решили представить исследование наиболее яркого, популярного и узнаваемого символа советской эпохи, прочно вошедшего в знаковую систему СССР прежде всего как знака, связанного с воинской и гражданской доблестью – символ красной звезды.

Пятиконечная звезда несомненно политический символ именно Советской России. «Если вернуться к нашим корням и перенестись на крыльях времени на много веков назад, – как отмечают исследователи [см. напр. Воинская символика России: [http](http://)], – мы не найдем там упоминаний о пятиконечной звезде. Подобный

символ отсутствует в повседневной жизни, в быту и мифологии древних славян. Он абсолютно чужд и русской культуре, а если и встречался где-либо в России до 1917 года, только чисто спорадически, в качестве наворачия на новогодних елках или украшений на оберточной бумаге для подарков, а также исключительно в качестве знака различия по чинам (воинским званиям)...

Но прежде чем приступить к анализу данного прецедентного образа в дискурсе русского рока, мы считаем необходимым обратиться к его истории. Звезда – один из древнейших символов человечества, принятый в символике всех народов, история возникновения которого уходит в глубь веков. Тысячелетиями наблюдал человек на темном небосводе таинственно мерцающие звезды, притягивающие своей загадочностью и недостижимостью. Неудивительно, что их изображения стали одним из древнейших символических знаков, олицетворявших в разное время тайну и судьбу, вечность и вселенную, красоту и совершенство, путеводность и истину.

Пятиконечная звезда или пентаграмма представлена в мировой истории множеством вариантов, нам же интересует символ звезды, повернутой «главой», т.е. одним из лучей вверх. Этот древнейший символ защиты, охраны, безопасности возник в восточной мифологии. В западноевропейских магических трактатах такая пентаграмма почиталась как фигура, изображающая человеческое тело: две ноги есть символ земли и воды, две руки – воздуха и огня, а голова (один луч, смотрящий вверх) – объединяющая все члены сила эфира.

Красная пятиконечная звезда как политический символ советской России возникла в качестве воинской эмблемы, точнее как знак отличия, воинский знак принадлежности к Красной армии. Добавим также, что в государственной военной символике звезду впервые начали употреблять солдаты французской армии – после Великой французской революции: геральдисты республики при выборе новой символики обратились к античной мифологии, где пятиконечная звезда символизировала бога войны Марса. По преданию родившегося из лилии, бутон которой представляет собой пятиконечную звезду (так называемая «лилия мартагон», т.е. Марса родившая). С тех пор пятиконечная звезда получила название Марсовой звезды и была «взята на вооружение» армиями многих государств мира, в том числе и красной армией.

Справедливости ради отметим, что в русской армии звезда пришла на волне военных реформ императора Николая I – с 1 января 1827 года кованые пятиконечные звездочки были введены для обозначения чинов на генеральских и офицерских эполетах, а с 29 апреля 1854 года уже шитые звезды появились и на вновь учрежденных погонах. Звезда стала и традиционным элементом высших наград Российской Империи – это были восьмиконечные

звезды ордена Святого Андрея Первозванного, ордена Святой Екатерины, ордена Святого Александра Невского и другие.

А весной 1918 года звезду как отличительную эмблему военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной Армии ввела Советская власть. Впервые о ней упоминается в газете «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов» 19 апреля 1918 года. Небольшая заметка в разделе «Хроника» рассказывала, что Комиссариатом по военным делам утверждён чертёж нагрудного знака для воинов Красной Армии в виде красной звезды с золотистым изображением плуга и молота в центре.

Согласно официальной трактовке, красная звезда олицетворяла борьбу трудящихся за освобождение «от голода..., войны, нищеты и рабства», являлась символом «рабоче-крестьянской Советской власти, защитницы бедноты и равенства всех трудящихся». [Гражданская война ... 1987: 304].

С 1923 года символ пятиконечной звезды стал использоваться в гербе СССР в качестве бэджа (вид фигурного девиза, обозначающий некую индивидуальность; знак, присущий только индивидуальному объекту – области, династии, лицу) – как фигурное дополнение к девизу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», потому такая красная звезда стала считаться эмблемой международной солидарности трудящихся. Пять лучей звезды, помещенной в верхней части герба СССР, объяснились, как пять континентов, где идет борьба между трудом и капиталом.

Таким образом, красная пятиконечная звезда вошла в историю советской России как марсова звезда, но уже в 1940 годы этот символ «равенства всех трудящихся» вошел в жизнь каждого советского человека, будь то октябрятская звездочка или пионерский значок, знак ГТО или орден Красной звезды. Красная звезда не только вытиснула Вифлеемскую шестиконечную звезду с вершины новогодней елки, но и покорила главную высоту советской страны, воссияв на самом Кремле.

Итак, образ красной пятиконечной звезды прочно вошел в историю советского государства, и, создавая свой собственный художественный мир, русские рок-авторы несомненно обратились к этому яркому символу. Справедливости ради отметим, что частотность использования данного политического символа в дискурсе русского рока низка, нами было отмечено только 8 ярких примеров, но все они были объединены неким единым оценочным и семантическим потенциалом, что бесспорно говорит о его значимости в анализируемом дискурсе.

Во всех выделенных примерах политический символ красной звезды соседствует с военными и религиозными образами. При этом все военные образы наполнены не только традиционной семантикой разрушения, жестокости,

боли, но так или иначе связаны с семантикой поражения, гибели.

Мы вскормлены **пеплом великих побед**.
Нас крестили **звездой**, нас растили в режиме нуля.
Красные кони серпами подков топтали рассвет,
Когда всходило солнце, Солнцу говорили: «Нельзя...».
(Алиса. Солнце встает)

Так например, в тексте песни группы «Алиса» «Солнце встает» мы отмечаем такой двоякий метафорический образ, как **пепел великих побед**, где пепел с одной стороны символизирует разрушения, но ведь он разрушает и саму победу, ее ценность и значимость. Отметим, что в данном примере автор не случайно использует и такой языковой символ советской эпохи, как эпитет «великий» (см. напр. Великая октябрьская революция, Великая отечественная война, Великая наша держава и т.д.): тем самым автор только усиливает семантику разрушения, разрушает сам миф о великих победах, а значит и о великой стране.

Апокалиптическую картину мира создает и М. Пушкина в стихотворении «Смутное время»:

Воины света
Павших сжигают на кострах,
Воины тьмы – мир – взяли в кольцо,
Тысячи птиц вниз **рухнут** дождем.
Мы не знаем, кто мы –
Дети красной звезды,
Дети черной звезды
Или новых **могил**.
... В крепости нашей гасит свет,
Сорванный флаг – знак – к сдаче врагам...
(Король и шут. Смутное время)

Таким образом, мы можем сделать заключение, что рок авторы обращаясь к образу красной звезды, марсовой звезды, символизирующему советское государство и его военную мощь, наполняют его окружение семантикой разрушения, гибели, которые по авторскому замыслу несет советский строй, который сам обречен на разрушение.

Но наиболее значимым в дискурсе русского рока для прецедентного образа звезды, по нашему мнению, стало соседство с религиозными образами (например, «нас **крестили звездой**» (Алиса. Солнце встает)), которое было отмечено абсолютно во всех примерах и в большинстве данный символ вновь наполнен семантикой разрушения.

Попав в сии священные места,
Какой-то зек соорудил **звезду**
На месте православного креста.
Как он забрался – знает только Бог:
Погнал ли страх, не подвела ль рука –
Но он залез, ему скостили срок,
А нам осталась память на века.
(Машина времени. Соловки)

При этом мы должны отметить, что герои в текстах русского рока, не просто разрушают, а

скорее подменяют понятия, что наиболее ярко представлено в последнем примере. Не случайно красная звезда каждый раз возникает на месте христианского креста, т.е., по мнению авторов, советское государство не строит новое, а подстраивает по себя старое, заменяет старых богов на новых.

Тешится люд – бьют старых богов,
Молится люд – ждут праведных снов.
(Король и шут. Смутное время)

Итак, в заключении мы можем отметить, что, обращаясь к такому прецедентному образу советской эпохи, как красная звезда, рок-авторы создают свой миф о религии, о «государственной» религии советской России, которая подменяет старых богов своими идолами, пропагандирующими и несущими разрушения и гибель.

ЛИТЕРАТУРА

- Болмасов А. Символы войны – звезда. URL: <http://www.taday.ru/text/113856.html> (дата обращения 8.05.09).
- Болмасов А. Символы революции. Ч.1. URL: <http://www.taday.ru/text/143049.html> (дата обращения 8.05.09).
- Борисов В.А. Нагрудные знаки советских вооруженных сил. 1918-1991. – СПб: Фарн, 1994.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987.
- Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1999.
- Давыдов Д.М. Русская рок-культура и концептуализм // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. научных тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. Вып.4. С. 12-217.
- Доманский Ю.В. Вместо заключения: О культурном статусе русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. научных тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. Вып.3. С. 215-266.
- Ильин И.И. Интертекстуальность // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М., 1999
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. – М., 2002.
- Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург: Омск, 1999.
- Кулаков В.И. Символика Нового мира. URL: http://www.simvolika.org/article_003.htm (дата обращения 8.05.09).
- Мазелло Р. История магии и колдовства – М.:ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999.
- Мисюров Д.А. Политическая символика URL: <http://openweb.shpl.ru/politsymbol/article.htm>. (дата обращения 8.05.09).
- Можейко М.А. Интертекстуальность // Постмодернизм. Энциклопедия. – М., 2001. С. 333–335.
- Толоконникова С.Ю. Русская рок-поэзия в зеркале неомифологизма // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. научных тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. Вып. 2.
- © Ворошилова М.Б., 2009